***

Расскажи мне, земляк, мой товарищ бывалый,
Ты прошел сто дорог, память сердца храня,
Это кто же назвал нашу Родину малой,
Словно выстрелил черною пулей в меня?!
Мы сидим у огня, путь проделав немалый,
Здесь родимое небо и Вечный покой.
Воскресает душа, словно путник усталый,
Что с ковшом наклонился над Лунной рекой.

Я выйду по тропе подталой
На полустанок небольшой.
Не может Родина быть малой
С такой великою душой.

Мне другая земля никогда не приснится
Потому, что в объятьях чужих городов
Я летаю во сне беспокойною птицей
Над вершинами сопок и сизых хребтов.
Потому, что осталась в распадках Урала
Та тропа, что из дома меня увела.
Потому, что певуньей была моя мама,
И черемуха в детстве безумно цвела.

Я выйду по тропе подталой
На полустанок небольшой.
Не может Родина быть малой
С такой великою душой.

Вновь вершины твои солнце красит зарею.
Ты последних лучей от меня не таи.
Я иду по земле, сам я стану землею,
Но останутся вечными камни твои.
С дымом горьким долин мы повязаны кровью.
Так прости, если я, о минувшем скорбя,
Нерадивый твой сын, запоздалой любовью,
Тихой песней своей потревожил тебя.

Я выйду по тропе подталой
На полустанок небольшой.
Не может Родина быть малой
С такой великою душой.

***

Золотой зверобой,
и горячее поле душицы,
И обвивший смородину
сказочный алый цветок,
И родник под скалой,
тот, который доныне мне снится,
И сиреневый полог тумана
вдали от дорог.

Я мальчишкою знал:
ты должна здесь вот-вот появиться,
Вся из солнца и трав,
из ручьев, от рассвета хмельных.
Побелели виски.
Замолчали в отчаянье птицы.
Я оставил тебя,
как венок из цветов полевых.

Я готов был припасть
к первой встречной зеленой травинке,
Потому что в тумане
все время мерещилось мне:
Может быть, это ты
в серебристой, как сон, паутинке,
Той, что ветер принес,
словно птица на сизом крыле.

И уехал я в город,
оставив и горы, и поле...
И в ущелье домов,
где не встретишь живого огня,
Ты по улице шла
в золотых светляках зверобоя.
Я узнал тебя сразу.
Но ты как узнала меня?

***

Мне рано
жизни подводить итог,
но знаю я,
на время не в обиде:
мужчина тот всегда
и только тот,
каким его
лишь Женщина увидит.

Я не искал
у женщин правоты,
когда в кругу
веселий многоликих
одна вдруг скажет:
– Друг мой, ты – великий!
Другая – тут же:
– Как ничтожен ты!..

Две женщины.
Два полюса Земли.
Две радости
и две слезы благие.
То – две богини
с мудростью змеи,
то – две змеи
под маскою богини!

Простите мне,
что лгать я не привык,
что тот закон жестокий
непреложен.
Да!
Я с одной поистине ничтожен,
с другою –
и возвышен и велик!..

***

В городе Туле в старинном посаде,
Не признавая тяжести лет,
Ворот рванув, умер добрый мой прадед.
Умер, а я появился на свет.
Скажут о нем: балагур и обманщик.
Скажут и следом забудут про все...
У перекрестка вечный шарманщик
Плачет и крутит свое колесо.

Лебедь летел и кричал ошалело.
Все в этой жизни, знаю, не вдруг.
Видимо, новое горе приспело:
Умер отец, но родился мой внук.
Новые лебеди низко летели.
Острые крылья касались земли.
Матушку белые вьюги отпели,
А по весне внучку в дом принесли.

Что же теперь мне в бессмертье рядиться?
Вечность прекрасная мне не жена.
Если умру я и правнук родится,
Значит, Россия наша жива.
Скажут мне вслед: балагур и обманщик.
Скажут и тут же забудут про все...
У перекрестка вечный шарманщик
Плачет и крутит свое колесо.

***

Не жди благих вестей,
Готовь мешок в дорогу.
Затеял коростель
По всей Руси тревогу.
Зовет его труба,
А нас не видно в поле...
Напрасно городьба
Протягивает колья.

Не жди благих вестей,
Пусть день беспечно прожит.
Не будет коростель
Зря по ночам тревожить.
Воспрянь же ото сна!
Доколе нам дивиться,
Что сладки голоса,
Да неродные лица?!

Не жди благих вестей.
Задумайся о сыне.
Последний лиходей
Еще не на осине.
Куда ни кинь – клыки.
Куда ни кинься – жала.
Вставайте, мужики,
Нас так осталось мало!..

***

Я думал, Русь, что ты моя броня.
Но над полями выжженного хлеба
Ослепли, нас от недругов храня,
Твои глаза, взирающие с неба!

Жара, жара. На маревых горах
Мох поседел и высохли истоки,
А по степям средь обнищавших трав
Мышкуют лисы, серые, как волки.

Грачи атаковали сокари,
Вьют нагло гнезда в соловьиной роще.
Доколе это? Матушка, прозри!
И защити оплеванные мощи!

Я понимаю, что мой голос слаб,
Что легкий ветер листьев не колышет.
Но, Господи, я твой смиренный раб,
Так почему никто меня не слышит?

АННА

Как фрегаты, что сели на мель,
Башни спят в зоревом окоеме...
Вид из дома Пашкова на кремль –
Вся Россия в оконном проеме!

Окровавленные тополя...
Но Художник, забыв об эпохе,
Заостренною башней Кремля
Чертит Анны загадочный профиль!

Ах, Художник, ты вновь не здоров.
Столько горя вокруг, столько лиха,
А тебя вековая Любовь
Обожгла, как мгновенная прихоть!

Ты уже не рисуешь коня,
Ты про саблю забыл и про бурку,
И, горячую деву обняв,
Безрассудно танцуешь мазурку.

Есть Любовь! В остальном – маета!..
Но и сам я такой же пройдоха, –
Наплевать, что мазурка не та,
И не та за портьерой эпоха.

У Любви срока давности нет.
Профиль Анны в оконном проеме
Излучает таинственный свет
На несветском Пашковском приеме.

Весь в огнях Александровский сад.
Звезды тихо бредут небесами.
Счастлив я, как столетье назад...
.....
Жаль, что это все будет не с нами...

***

– Собирайся, сынок, –
Я шепчу, свой платок теребя, –
Вот и вышел твой срок,
Чем могу я утешить тебя?
В свой дорожный мешок,
Что и прадеду правдой служил,
В потайной уголок
Ты иконку мою положи.

Так ушел и отец
От земных нескончаемых дел,
Он последний венец
На колодец поднять не успел.
Это, сын, не укор.
Это кто-то играет Судьбой.
Взялся ты за топор –
Те же птицы зовут за собой!..

Мы служили Руси,
Той единственной, нашей, святой.
И, кого ни спроси,
Ни под чьей не бывали пятой.
Коль тебя, не дай Бог,
Жизнь погонит в чужие края,
Что же делать, сынок?
Нынче власть на Руси не твоя.

И в иные года
Нас пытали тюрьмой и сумой,
Только ты никогда
Власть не путай с Россией самой.
Не моя в том вина,
Что не стало на свете любви.
А случится война,
Ты уж матери не посрами.

Я прошу об одном,
Зная сердцем, как страшен твой путь:
В уголке потайном
Об иконке моей не забудь.
Среди белых снегов
Не сойти бы мне только с ума...
А колодец чего?
Я дострою колодец сама.

ВОРОБЬИ

Кроме слова живого
Мы блага земного не ищем,
Хоть и знаем, что нам
Уготовано место в аду.
Дай мне Бог умереть,
Непутевому, гордым и нищим
Под цветущею яблоней
В тихом, заросшем саду.

Пусть лихач с ветерком
По дороге веселой промчится.
Пусть пройдут поезда,
Нагруженные, словно рабы.
Пусть, как тени, мелькнут
Запоздавших друзей моих лица,
Но замрут на мгновенье,
Купаясь в пыли, воробьи!

Горемыки мои,
Знаю слышать кому-то нелестно,
Как щебечете вы
О похожести наших судеб.
Но что делать, коль вам,
Вам одним в мире этом известно,
Как дается поэтам в России
Безрадостный хлеб?!

Пусть поля плодоносят
И мирное стадо пасется.
Ковыряйтесь в пыли,
Но не клюйте с руки, воробьи!
Может кто-то из вас,
Дорогие мои, и спасется,
И найдет утешенье
В ниспосланной с неба Любви.

***

Жилка бьется на моем виске
Сто веков... Да я не знаю сколько!..
Я твой образ солнечным осколком
Вывожу на золотом песке!

Боже! Награди меня за смелость!
Ты же Сам осколок этот дал.
И я вижу: ты запечатлелась
Вся такой, какою Он создал!..

Так не тает в голубой долине
Даже знойным летом чистый снег –
Это Время прекратило бег,
Чуда не видавшее доныне!

Я постигнул тайну этих линий...
Трепет рук, как шеи лебедей.
И дыханье чуть открытых лилий –
Белых в крапах солнышка грудей.

А под утро дунет ветер с моря,
И мой труд без всякого Суда,
Не оставив зыбкого следа,
Поворчав, волна, как прачка, смоет...

Но слюдинки глаз твоих в песке
Не растают – я не знаю только:
Может, сто веков, а, может, столько
Сколько бьется жилка на виске...

***

Осенний лес и неба синева.
Огонь осин и вспышки дикой вишни.
С деревьев тихо падает листва,
В глухом лесу она казалась лишней.

И солнца золотые кружева
Разлиты по земле, как Божья милость...
И где-то хохотнула вдруг сова
Средь бела дня...Что это с ней случилось?

Зачем она, природе вопреки,
Вперяет глаз прозорливый и меткий
Туда, где расписные лоскутки
С девичьим страхом покидают ветки?

И между нами, как меж двух страниц,
Лишь этот удивительный гербарий.
И пахло от дерев, лежащих ниц,
Сухой травой и свежими грибами

Любимая! Вот жизни краткий миг...
И, к нам не проявляя интереса,
Прошел с корзиной полною грибник.
Ему мы показались частью леса!

С корзиной полною – вот счастья знак.
Какого мы еще искали знака?
И никогда я не смеялся так...
И никогда, друг мой, я так не плакал!

***

Какая с миром этим связь?..
Лежали лодки у причала,
И медленно река лилась,
И песня русская звучала!

И было тихо на реке,
И с неба падал свет неброско...
Но, как от сабли, по щеке
Прошла горячая полоска.

Я знаю, никакой тиран
Слезы бы из меня не выжал!
Но здесь, от этих сладких ран,
Я, не сражаясь, еле выжил!

И ты, Любовь моя, жива!
Но кто мне разрешит задачу:
Звучат знакомые слова,
Так почему ж я снова плачу?

И замираю всякий раз
У песни той на самой кромке.
И над собой, как Божий глас,
Я слышу голос твой негромкий...

***

В этом нет никакого секрета:
Знает пашня, но знаем и мы,
Что наступит короткое лето
После долгой, холодной зимы.

Не нарушить законов природы,
Сколько небо о том ни моли.
И покроют зеленые всходы
Обнаженное тело земли.

Есть у моря доверенный вестник,
Предвещающий шторм и туман.
Ну, а я – не пророк, не кудесник,
Не колотящий в бубен шаман.

Ты испуганно шепчешь: «Так кто ты,
Коль, взяв руку мою лишь на миг,
Вдруг услышал волшебные ноты
В незатейливых пальцах моих?»

...Струи ливня играли на крыше,
От реальности нас уводя,
Тот, кто любит, тот музыку слышит.
Кто не любит – проказы дождя.

ЧАЙКА

Играет солнце брызгами от весел –
То рыбаки торопятся домой.
В залив любви свой якорь я не бросил.
Зависла в небе чайка надо мной.
Лети, моя хорошая, лети!..
Сегодня я случайный твой попутчик,
Такой, как все, не хуже и не лучше
Из тех, что ты встречала на пути.

Я рад с тобой обмолвиться хоть словом.
Не для меня молчанья тяжкий гнет.
Давай с тобой поделимся уловом,
Никто меня на берегу не ждет.
Кричи, моя хорошая, в тиши,
Кричи и в бурю... Лишь сейчас открыл я,
Что нас с тобой давно не кормят крылья,
А – только крик отчаянной души.

Но никого наш крик не потревожит.
Закат пылает, как на судном дне.
Господь послал тебя... И ты, быть может,
Единственная вспомнишь обо мне.
И я шепчу: счастливого пути,
И пусть тебя ласкает теплый ветер.
Лети, как если б я тебя не встретил.
Лети, моя хорошая, лети!..

***

На горячем ветру,
У земли на краю
Села бабочка вдруг
На ладонь, на мою...
И сидит, не дыша,
Мир собой заслоня, –
Это чья-то душа
Отыскала меня.

Торопись, мотылек!
Скоро дождь, скоро снег.
Этот теплый денек –
Твой единственный век.
Не вершится ничто
На миру просто так.
Это, видно, Господь
Посылает мне знак.

То ли, вправду, я слеп,
То ли путает бес...
Это – мама моя
Опустилась с небес.
Что-то хочет сказать
Легким трепетом крыл
На родном языке,
Что я знал и забыл.
Чтобы маму понять,
Стал я памятью – весь, –
Не исправится ТАМ,
Что напутано здесь.

... Вот и падает снег
На поля, не спеша...
Пусть недолог наш век,
Но бессмертна душа...

***

В глубинке русской посреди разрухи
У нищих окон, как у царских врат,
Сидели на завалинке старухи
И тихо пели, глядя на закат.

Ни радио хрипящего, ни света,
Ни вечных кур, ныряющих в пыли...
Остались только песни им... И это
Взамен молочных речек и земли.

В чужие дали уходило солнце.
В чужие клети сыпалось зерно...
На мой вопрос: и как же вам живется? –
Они глаза подняли озорно.

Святая Русь, не знавшая покоя,
Омытая слезами, как дождем,
Где б я еще услышать мог такое? –
Чего не доедим, то допоем!

То допоем!.. Так как же жил я, если
Мне знать доселе было не дано,
Что голова всему не хлеб, а песни,
Которые забыли мы давно?!

В глубинке русской над деревней робко
Вставало солнце алой пеленой...
Старушки пели песню неторопко
И медленно вращался шар земной.

***

Не стань поэтом, не увидеть чтоб
В любом движенье – тайное значенье.
Я наблюдал, как опускали гроб
Не с криком, а со вздохом облегченья!..

Когда, казалось, и понять нельзя:
Пел муэдзин иль поп молился русский...
Я видел рядом женские глаза –
Освобождалось сердце от нагрузки!

Кладбищенский ударил соловей,
И вздрогнул я от горести своей –
Нам каждый день и радость, и мученье...

Не дай нам Бог средь нашей суеты
Похоронить Высокие Мечты
Не с криком, а со вздохом облегченья!

***

Снова глаза закрываю несмело,
Вспомнить пытаясь детство свое...
Помнится только: матушка пела...
Песней наполнено сердце мое.

Зимами злыми над прорубью белой,
В стылой воде полоская белье,
Вся коченея, матушка пела.
Песней наполнено детство мое.

Больше она ничего не имела.
Только свой голос. Свой – ножевой.
Не было хлеба. Матушка пела,
И оттого я остался живой.

Рядом война полыхала и тлела.
Сытым ходило одно воронье.
Вдовы рыдали. Матушка пела.
Песней наполнено детство мое.

Минуло время, память немела.
Но без войны я не прожил и дня.
Все эти годы матушка пела.
Это, должно, сохранило меня.

Мы отнесли ее легкое тело
На вековечное поле-жилье.
Все мне казалось: матушка пела.
Песней наполнено сердце мое.